

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ ЛИТЕРАТУРНОГО ДВИЖЕНИЯ СЕРЕДИНЫ XVIII ВЕКА

Основной учебный текст

I. Обозначив хронологические границы второго периода истории русской литературы XVIII столетия серединой 1730-ых – второй половиной 1760-ых годов, мы, тем самым, включаем в данную эпоху события, произошедшие в течение четырех царствований. Начало середины века приходится на царствование Анны Иоанновны, затем, после краткого и не обозначенного ничем новым регентского правления при Иоанне VI (17.10.1740 – 25.11.1741), ставшего императором в двухмесячном возрасте, следует время Елизаветы Петровны (1741-1761 годы), оставившее достаточно глубокий след и в русской истории вообще, и в истории литературы в частности. Недолгое правление Петра III (25.12.1761 – 28.07.1762), второго из двух некоронованных монархов из династии Романовых (первым был Иоанн VI), сменяется долготлетним и блестящим правлением Екатерины II, первые годы которого также можно отнести – с точки зрения литературной культуры – к тому периоду её истории, рассмотрение которого сейчас и начинается.

В политическом отношении эти три десятилетия – время пестрое и бурное, отмеченное сменами геополитических ориентиров, поворотами в государственной политике и, что особенно выразительно, многочисленными переворотами. Недаром в исторической науке за данными десятилетиями даже закрепилось соответствующее название – «эпоха дворцовых переворотов». Абсолютное большинство последних в самом деле приходится как раз на середину столетия: с переворота началось правление Анны Иоанновны – публично порвав 25 февраля 1730 года перед лицом собравшихся в Москву на её коронацию дворян подписанные ей ранее в Митаве «кондиции», ограничивавшие самодержавную власть в пользу Верховного Тайного Совета, фактически управлявшего империей в 1726 – начале 1730-го года, новая императрица не просто нарушила собственные обещания, но совершила именно государственный переворот. Таким же событием было отмечено и двенадцатимесячное «правление» императора-младенца Иоанна VI: 9 ноября 1740 года гвардия, предводительствуемая Б.Х. Минихом, сместила с поста регента Э.И. Бирона; его место заняла мать императора Анна Леопольдовна. Впрочем, ненадолго – её смёл (как всю пытавшуюся утвердиться в лице Анны Иоанновны и её внука старшую ветвь династии) государственный переворот, осуществленный Елизаветой Петровной в ночь с 24 на 25 ноября 1741 года. Наступившее после него двадцатилетнее правление «прекрасной Елисавет» (как называл императрицу М.В. Ломоносов), кстати сказать, окончательно утвердившее императорский престол за потомками Петра Великого, мирно сменилось царствованием её племянника Петра III, свергнутого с престола опять-таки гвардией, действовавшей в пользу его жены Екатерины Алексеевны, ставшей Екатериной II. Из всех дворцовых переворотов XVIII столетия за пределами середины века оказываются только два: вмешательство гвардии, подбитой на это А.Д. Меншиковым в решение вопроса о престолонаследии после смерти Петра I 28 января 1725 года (да и то это событие лишь очень приблизительно и с большой натяжкой может быть квалифицировано как государственный переворот) и убийство Павла I 11 марта 1801 года.

Однако несмотря на столь многочисленные и полные исторического драматизма события, которыми насыщены интересующие нас десятилетия, при всей их противоречивости, внутренних нестыковках и разнонаправленности, в перспективе истории культуры, в частности, литературной истории они представляют нечто цельное, являются одним периодом. Здесь, среди прочего, в очередной раз обнаруживается несовпадение истории политической и истории культурной, в частности, литературной. С общеисторической точки зрения 1730-ые годы – 1760-ые годы очевидно неоднородны, период этот вообще имеет другие границы: 1725 - 1740-ые годы – это время безвременья, «темный период нашей истории XVIII века» (Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. Изд. 10. СПб, 1917. С. 561),

1741 – начало 1760-ых годов, при всей власти «сильных людей», отмечены определенными убеждениями, которыми правительство достаточно последовательного руководствовалось, убеждения эти были развитием «наследия Петра». Аннинское и елизаветинское царствование – разные исторические эпохи. Их различие заметно и в культурной плоскости, но тут оно далеко не столь резко и, главное, не определяюще. Хронологические рамки литературных периодов не совпадают с рубежами не только царствований, но и периодов исторических: в истории русской литературы XVIII столетия середина 1730-ых – вторая половина 1760-ых годов составляют, при всей динамике их внутреннего развития, одну эпоху. Целостность этих десятилетий обуславливается, едва ли не прежде всего осознанием себя уже окончательно и бесповоротно европейцами: петровское время подобное самоосознание желало и декларировало, в 1730 - 1760-ые годы оно стало культурной реальностью. «...Восторг перед Западом...перешел в восторг перед собой, как западной страной» – эта выразительная формула Л. В. Пумпянского (Пумпянский Л. В. К истории русского классицизма// Пумпянский Л. В. Классическая традиция. М., 2000. С. 54) очень точно передает существо дела: люди послепетровской эпохи чувствовали себя жителями Европы. Конечно, здесь имеется в виду количественно крайне малочисленная, а в общенациональных масштабах и попросту ничтожная не группа даже, а группка отдельных деятелей, способных к историческому мышлению и самоанализу, а потому размышляющих над культурными судьбами своей страны. Но именно усилиями этих вроде бы одиночек, таких как А.Д. Кантемир, В.К. Третьяковский, В.Е. Адогуров, М.В. Ломоносов и созидалась будущая культура России; они её и представляли в первую очередь.

Их время не случайно только что было определено как послепетровское; это не просто обозначение его хронологического места, но характеристика самой его сути: в середине столетия и обозначились результаты петровских преобразований, новое поколение, выступившее на публичное поприще после Петра, дало ответы на поставленные им вопросы. Ответы, далеко не всегда буквально совпадающие с намерениями Отца Отечества, но полностью соответствующие главному нерву осуществленных им преобразований. Недаром люди середины века, особенно открывавшие данный период, действовавшие, так сказать, с самого его начала, вроде Кантемира, Третьяковского и Ломоносова считали себя детьми великого императора, продолжателями Петрова дела. Такими они и были. И оценивать культурные реформы Петра следует не по первым десятилетиям XVIII века, когда данные реформы проводились, но скорее на основании следующего периода, когда они принесли уже свои плоды.

II. Второй период истории русской литературы XVIII столетия – середина века – показывает необратимость включения России в западноевропейское культурное пространство – естественно, с некоторыми оговорками. Они касаются, в первую очередь, количественного фактора: европеизация затронула узкий слой русского общества, речь может идти только о дворянстве, да и то лишь о какой-то его части. К тому же, европейский облик приняли (причем далеко не полностью и не в окончательном виде) отдельные центры и регионы; колоссальные просторы империи были в эти процессы вовлечены в самой малой степени. Но учитывая это, все же можно сказать, что процесс перевода русской культуры на европейский художественный язык в основном был завершён; русская культура стала европейской.

Сказанное не значит, что старое вовсе ушло из культурного обихода. Оно и не могло уйти, если вспомнить, что центральные фигуры данной эпохи, существенно определившие её атмосферу, были во многом людьми старых вкусов. В первую голову это относится к двум императрицам – Анне Иоанновне и Елизавете Петровне. Двоюродные сестры, они кажутся во всем разительно непохожими, почти что противоположными. Родившаяся в 1693 году, Анна была, соответственно, на шестнадцать лет старше Елизаветы, появившейся на свет в 1709 году, в год Полтавской битвы, через шесть с половиной месяцев после величайшей виктории Петра. С детства нелюбимая матерью, знавшая в юности одни разочарования и обиды Анна и росла и зрела угрюмой, скрытной и раздражительной. «Рослая и тучная, с лицом более

мужским, чем женским, черствая по природе и еще более очерствевшая при раннем вдовстве среди дипломатических козней и придворных приключений в Курляндии, где ею помыкали, как русско-пруско-польской игрушкой, она, имея, уже тридцать семь лет, привезла в Москву злой и малообразованный ум с ожесточенной жадной запой удовольствий и грубых развлечений» (Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. IV // Ключевский В. О. Сочинения в 9 т. Т. 4. М., 1989. С. 272). Прекрасная же «Елисавет» была действительно прекрасна, она пользовалась в глазах современников репутацией исключительной красавицы. С редкой, по понятиям своего века, красотой Елизавета соединяла счастливый нрав, в котором доброта и милосердие удачно соединились с постоянной веселостью. Это не могло не нравиться, тем более, что обладательница такого приятного нрава была императрицей. Конечно, в облике Елизаветы Петровны легко обнаружить и темные пятна, причем в немалом количестве. Особенно они стали заметны в старости, когда пленительная краса «дщери Петровой» стала быстро уходить; императрица сделалась раздражительной и капризной; набожность Елизаветы все более окрашивалась страхом смерти и, соответственно, всяческими суевериями. Но даже и в то время сохранила она человеческую свою привлекательность, в лучшие её годы неизменно располагавшую к ней подданных. Анна ничем подобным не обладала.

Однако, при всем разительном несходстве две императрицы обнаруживают и весьма симптоматичную близость. Она проявляется в той жизненной сфере, которую обе жадно любили: в развлечениях. Собственно говоря, присущая им неудержимая тяга к празднествам разного рода уже сама по себе указывает на некоторое сходство; но оно располагается скорее в личностно-психологической плоскости, как и гневливость, которой Анна и Елизавета (как и многие другие Романовы) были наделены; та же черта их поведения, о которой идет речь, имеет, все же, культурный характер. Её можно определить как стремление совместить в окружавшей их и их вкусами во многом определяемой празднично-панегирической придворной культуре элементы старого, московско-нарышкинского быта, отражавшего первый этап европеизации (через трансплантацию украинской культуры) с элементами того европейского стиля жизни, который был следствием петровских реформ. Вот здесь Анна и Елизавета оказывались едины: «Анна Иоанновна была личностью переходной эпохи: в её сознании ценности и представления допетровской Руси уживались с тягой к западноевропейским людям, обычаям, развлечениям... Став императрицей, она последовательно воспроизводила при петербургском дворе Измайлово своего детства, «царицыну комнату», как у матери, Прасковьи Федоровны, с приживалками, карлами, дураками и шутами... Но рядом со старыми порядками при дворе Анны Ивановны привились и новые» (Анисимов Е. В. Анна Иоанновна // Три века Санкт-Петербурга. Т. 1: Осмнадцатое столетие. Кн. 1. СПб., 2001. С. 62). Нечто подобное обнаруживается и в поведении Елизаветы Петровны: «смотря на жительство Елизаветы Петровны... забываешь иногда, что дело идет о дочери Петра Великого, и кажется, как будто жизнь отодвинулась на полвека назад, и героиней всех этих увеселений является царица более ранней переходной эпохи, какая-нибудь младшая сестра Петра Великого, едва выпущенная из теремного заключения, в роде любительницы веселий и театра Наталии Алексеевны, только еще более веселая и удалая» (Готье Ю. В. Императрица Елизавета Петровна // Государыни из Дома Романовых. 1613–1913. Жизнеописания царствовавших государей и очерки их царствований. Т. 1. М., 1913. С. 372–373). Исследователь имел здесь в виду жизнь Елизаветы-цесаревны, но и в более зрелые годы, взойдя на престол, она оставалась, в целом, такой же. И трудно оспорить то, что Елизавета – «настоящая русская барыня XVIII века, в которой, несмотря на фижмы и роброны, ясно проглядывала московская боярыня со всеми её дурными и хорошими чертами» (Там же. С. 383).

Личности Анны и Елизаветы вдвойне интересны в интересующем нас аспекте: с одной стороны, они в весьма значительной степени определяли культурный климат эпохи: реформы Петра I существенно сократили роль Церкви, культурные позиции которой начали ослабляться со времени Алексея Михайловича, первого русского строителя абсолютистской

придворной культуры, по своей природе не могущей не потеснить в культурной сфере Церковь. Другого важнейшего для Нового времени фактора – общественного мнения как независимой силы – в России середины века еще не существовало. По-существу, императорский двор был главной культурной силой (если иметь в виду высшие с точки зрения европеизированности, т.е. модерности, уровни культурного бытия). Вкусы императриц приобретали, тем самым, особую важность. Во-вторых, в чем-то (и немало) направляя культурную жизнь в её столичном варианте, обе государыни отражали своим культурным обликом положение дел: то, что присуще им, свойственно и культуре в целом, венценосными выразителями которой они и являлись. Это подтверждается обращением к другим регистрам культурной жизни того времени, в частности, к словесности.

III. Элементы старого обнаруживаются в 1730 - 1760-ые годы и в литературной культуре. Панегирики в петровской эпохе, выражая новое в старых формах, представляют собою характернейшее явление именно петровской литературной культуры. Сохранение их высокого статуса в новую литературную эпоху тем самым свидетельствовало бы о её глубокой преемственности по отношению к предшествующей, о том, что старое не исчезло вдруг и бесповоротно во второй половине 1730-ых годов, да и позже. На первый взгляд, так и происходило: свой статус ораторская проза едва ли не полностью сохранила. Об этом говорят и многочисленность произнесенных в то время слов, и авторитет их сочинителей, и внимание к ним со стороны публики, включая высочайших особ, и эстетический уровень ораторских произведений (Об ораторской прозе сер. XVIII века см. недавние диссертационные исследования: Кислова Е. И. Грамматическая норма языка проповеди елизаветинского периода (1740-ые годы) / Автореф. дисс. ... канд. филол. н. М., 2007; Матвеев Е. М. Русская ораторская проза середины XVIII века: Панегирик в светской и духовной литературе. СПб, 2009).

Как и в начале XVIII века литературно наиболее выразительным жанром ораторской прозы были панегирики. Опять-таки, как и прежде их авторы, как правило, ученые монахи: архиепископ Амвросий (Юшкевич), епископ Гедеон (Криновский), архиепископ Димитрий (Сеченов), архимандрит Кирилл (Флоринский), епископ Симон (Тодорский); большинство – вновь выразительная переключка с петровским временем – выходцы с Украины. Соответственно, среди писателей середины столетия по-прежнему важное место занимают представители высшего духовенства, многими чертами своей духовно-интеллектуальной физиономии крайне близкие литераторам петровской эпохи, на первый взгляд прямо продолжающие дело Феофана или Гавриила Бужинского.

В качестве выразительного примера может быть здесь упомянут архиепископ Новгородский Амвросий (Юшкевич) (1690-1745). В бытность свою на Украине он вел, вполне в духе украинского ученого монашества, ожесточенную борьбу с католиками; активность его полемики особенно возросла во время игуменства Амвросия в монастыре во имя Св. Духа в Вильне (Вильнюсе). Энергичная деятельность Амвросия находила поддержку у Рафаила (Заборовского), одного из самых энергичных архиереев той поры, закончившего свою карьеру архиепископом (впоследствии – митрополитом) Киевским. Сам человек учёный, много сделавший для расцвета Киево-Могилянской академии в середине XVIII века, Рафаил покровительствовал Амвросию, который был хиротонисован в епископы Вологодские. Переместившись в Петербург, он скоро приобретает репутацию выдающегося проповедника, одновременно с этим активно вмешавшись и в придворную борьбу: Амвросий, ставший в 1740 году архиепископом Новгородским и Великолуцким манифестировал себя горячим приверженцем Анны Леопольдовны, матери Ивана VI. Еще при жизни Анны Иоанновны 3 июля 1739 года, он произнес слово на венчание Анны Леопольдовны с принцем Антоном-Ульрихом Брауншвейгским, которое имело немалый успех и было напечатано по-русски и по-латыни. После воцарения Елизаветы Амвросию, естественно, угрожали самые серьезные неприятности, кстати сказать, издание произнесенного в честь свергнутой правительницы слова новым правительством уничтожалось. Однако «милостивая Елисавет» поступила с

неосторожным архиепископом действительно милостиво, он был прощен, более того, императрица ему явно покровительствовала. Надо заметить, что прощенный и обласканный, Амвросий начал отзываться об аннинском времени весьма нелюбезно. В частности, он выставлял его как время гонений на православие: «На благочестие и веру нашу православную наступили, но таким образом и претекстом, будто они не веру, но непотребное и весьма вредительское христианству суеверие искореняют. О коль многое множество под таким предлогом людей духовных, а наипаче ученых, истребили, монахов поразстригали и перемучили» (Цит. по: Флоровский Г. прот. Пути русского богословия. 3-е изд. Paris, 1983. С. 95).

Очень многое в этой жизни, увиденной как историко-культурный факт, напоминает биографии литераторов предшествующей эпохи: и покровительство со стороны благожелательно настроенного просвещенного архиерея (вспомним судьбы Димитрия Ростовского или Стефана Яворского), и близость к двору с его интригами, и даже библиофильство: совсем как его предшественники, Амвросий страстно любил книги и собрал богатую библиотеку, завещанную им Новгородской семинарии. Он вообще кажется чуть ли не младшим братом украинских монахов-интеллектуалов начала XVIII века.

IV. С другой стороны, но также, если и не более походит на петровских литераторов другой колоритный церковный автор середины века – епископ Симон (Тодорский) (1700/1701-1754). Он – писатель в несравненно большей степени, нежели Амвросий Юшкевич: Симон не только был ярким проповедником, но и серьезным переводчиком-богословом, глубоким знатоком греческого и восточных языков. Именно ученые занятия полностью занимали его досуги. Да и не одни досуги, они были главным делом жизни Симона.

Симеон (таково было его мирское имя) родился близ Киева. С 1718 по 1727 год обучался в Киево-Могилянской Академии, после которой продолжил свои занятия в академической гимназии в Санкт-Петербурге. Затем он очутился в университете в Галле, - центре пиетистского (пиетистического) движения. Там он находился с 1729 по 1735 год, кстати сказать – на средства Рафаила (Заборовского), известного нам своим покровительством и Амвросию. «Тодорский учился здесь восточным языкам, языкам, языкам Библии всего больше» (Флоровский Г. прот. Пути русского богословия. С. 107). Учителем его был Иоган-Генрих Михаэлис, один из основателей галльской Collegium Orientale Theologicum (совместно с лидером пиетизма А.-Г. Франке), выдающийся гебраист и библеист, внушивший своему славянскому ученику серьезный научный вкус (естественно, в пределах, возможных XVIII столетию) к изучению библейского текста. Не только языковедческими занятиями был увлечен Симеон, напряжение духовно-интеллектуальной атмосферы сравнительно нового тогда университета на берегах Заале сильно его захватила. Об его осознанной заинтересованности пиетизмом свидетельствуют предпринятые им переводы. Он переводит знаменитую книгу И. Арндта, лютеранского автора второй половины XVI – начала XVII веков, одного из главных предшественников пиетизма – «Об истинном христианстве» (1609 г.); перевод был опубликован в Галле в 1735 году. Переводит Симеон и другие духовные сочинения того же типа: «Введение в чтение Святого Писания» того же Арндта, «Учение про начало христианского жития» А.-Г. Франке, который к тому времени уже скончался (в 1727 году), но деятельность и духовный склад личности которого по-прежнему полностью определяли интеллектуальный облик Галле, «Анастасия проповедника руководство к познанию страданий Спасителя» И.-А. Фрейлингаузена (зятя Франке). В распространении этих книг был заинтересован Феофан Прокопович, их направленность импонировала его протестантским умонастроениям. Впрочем, судьба духовных переводов Тодорского была незавидной: Синод в 1743 году (формально, потому что они были напечатаны без духовной цензуры) запретил их распространение и даже предпринял попытку конфискации уже проданных экземпляров (Чижевский Дм. Український літературний барок. Харків, 2003. С. 127). Данные издания, однако, оставили некоторый след в русской духовно-религиозной жизни, особенно это касается книги «Об истинном христианстве» - она несомненно

послужила толчком к написанию знаменитого православно-нравоучительного труда Тихона Задонского под тем же названием («Об истинном христианстве», 1770-1771).

Переводил Симеон и стихотворные тексты, из которых наибольший интерес представляют шесть достаточно больших произведений, включенных, в качестве приложения, к переводу катехиса все того же А.-Г. Франке (См.: Чижевский Дм. Український літературний барок. С. 128-157). Они представляют собой лютеранские гимны XVI-XVII веков, проникнутые отчетливым личностным чувством; Дм. Чижевский справедливо видел в переложениях Симеона интересную страницу в истории украинской (можно добавить – даже шире – восточнославянской) религиозной лирики.

Уехав из Галле, Симеон около трех лет ведет странническую жизнь, оказываясь в разных местах и даже странах, возможно – даже в Венгрии и Сербии. Воротился он в Киев в 1738 году и начал преподавать в Киево-Могилянской академии греческий, древнееврейский и немецкий языки. Связь Симеона с греками, с которыми он активно общался во время своих странствий, позволяет видеть в нем отчасти грекофила, он даже некоторые свои письма писал по-гречески (См.: Кислова Е.Н. Проповедь Симона Тодорского «Божие особое благословение» и бракосочетание Петра Федоровича и Екатерины Алексеевны // Литературная культура России XVIII века. Вып 3. С. 116). В 1740 году Симеон принимает монашество под именем Симона и через два года, по рекомендации давнего своего покровителя Рафаила (Заборовского) назначается законоучителем (учителем Закона Божиего) к наследнику престола Петру Федоровичу, а после его обручения с принцессой Софией-Августой-Фредерикой (в 1744 году) – и её законоучителем и духовником. Учитывая, что как цесаревич, так и его жена воспитывались как лютеране, именно Симону выпало познакомить их с верой народа, которым им предстояло править. Петру III – недолго и бесславно, Екатерине же II – в течение почти тридцати пяти лет, с сиянием и блеском.

Дальнейшая карьера Симона складывалась блестяще, в 1745 году его хиротонисовали в епископы Костромские и Галицкие; вскоре он был переведен на Псковскую кафедру, в 1748 году возведен в сан архиепископа. Впрочем, епархиями он управлял заочно, оставаясь в Петербурге. Лишь освободившись в 1749 году от трудов духовника великой княгини он перебирается (в 1750 году) в Псков. В Пскове он и умер и был погребен в кафедральном Троицком соборе.

Быстро продвигаясь по служебной лестнице, Симон, однако, не забросил, оказавшись в России, интеллектуально-творческих своих занятий. Литературные амбиции он выражал в проповедях, научные же интересы – в занятиях библеистикой: в 1743 – 1744 он занимается редактированием готовящегося церковнославянского издания Библии (т.н. «елизаветинская Библия» была напечатана в 1751 году), в 1748 году вновь возвращается к этой работе. Продолжал он собирать и библиотеку, которую, в полном соответствии с традициями украинского ученого монашества, подарил бдительно опекаемой им псковской семинарии; так поступали и Димитрий Ростовский, и Стефан Яворский, и Феофан Прокопович, из современников Симона – Амвросий (Юшкевич) и многие другие. Симон и кажется одним из их ряда (так же, как и Амвросий), даже его служебная карьера, переплетенная с литературно-учеными трудами почти ничем неотличима от карьеры многих монашествующих литераторов петровской эпохи.

V. Художественные (возможно, точнее сказать, артистические) интересы Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны, место ораторской прозы в литературной жизни, литераторы типа Амвросия (Юшкевича) и Симона (Тодорского) – все это в своей совокупности более чем убедительно свидетельствует о сохранении в культурном обиходе середины XVIII столетия многих элементов, присущих петровскому времени; старое вроде как сохраняет собственные силу и значение.

Но это не совсем так – в истории литературы наступивший в середине 1730-ых годов период был, все же, периодом новым; старое в нем действительно сохранялось, но в виде существенно измененном; оно играло уже в литературной культуре совершенно иную роль,

нежели прежде. Пожалуй, главное здесь заключается в следующем: в петровскую эпоху такие люди, как Стефан Яворский, тем более, такие как Феофан Прокопович были главными двигателями культурного развития; через них и осуществлялось решение важнейших задач, стоявших тогда перед русской культурой. Теперь же подобные им культурные деятели оказались как бы отеснены на задний план. Они, как мы видели, не исчезли, но основное русло литературной истории прошло в середине XVIII века уже в другом месте, стрелецкое культурное движение начал идти мимо них. В данном случае не так уж важны количественные показатели или социальная значимость тех или иных фигур. Деятели старого закала было, особенно в конце 1730-ых – 1740-ые годы, возможно, больше, их государственный вес – имея в виду обеих императриц – был, конечно же, огромен. И, тем не менее, культуру двигали не они, а культуртрегеры, в облике которых новое полностью доминировало; именно оно всецело определяло их личностную структуру. А.Д. Кантемир, В.К. Третьяковский, В.Е. Адогуров, М.В. Ломоносов – вот ключевые фигуры литературной культуры середины XVIII столетия (имею в виду первую половину рассматриваемого периода, затем к ним присоединились, а в известных смыслах и пришли им на смену А.П. Сумароков, М.М. Херасков, А.А. Ржевский, И.П. Елагин и др.).

Это первое обстоятельство. Второе же состоит в том, что само старое, связанное с петровской (и допетровской даже) литературной культурой начинает изнутри модернизироваться. Лучше всего механизмы этой модернизации раскрывают конкретные примеры. Так, Анна Иоанновна, как уже отмечалось, завела в Петербурге что-то вроде кремлевского «верха», царицыных палат. Среди прочих развлечений жадной до увеселений императрицы немалую роль играл театр, что тоже легко вписывается в придворный культурный обиход петровского времени; вспомним, что мать Анны Иоанновны, царица Прасковья Федоровна, как раз театр и завела при вдовьем своем дворе в Измайлове. Однако, при всей культурной старомодности малообразованной императрицы, при известной архаичности её вкусов, придворные спектакли Анны Иоанновны несли на себе уже отпечаток именно послепетровского времени: европейский театр в них представлял уже не в архаических формах (как было при Алексее Михайловиче или в публичном театре Кунста-Фюрста), не пропущенный отчасти через украинскую культуру (как в случае со школьной драматургией), а в более, так сказать, естественном своем виде, причем, несмотря на то, что в Петербурге оказалась востребованной все же боковая для Европы второй четверти XVIII столетия драматургическая традиция (итальянская **комедия дель арте**), она в существенно большей степени отвечала европейским вкусам того времени, нежели спектакли петровских лет (См.: Феррацци М. Комедия дель арте и её исполнители при дворе Анны Иоанновны. М., 2008). Недаром итальянские труппы оказали известное влияние на формирование нового русского театра, связанного, в первую очередь, с деятельностью А.П. Сумарокова. Получается, что даже, казалось бы, достаточно традиционными своими культурными поступками, скорее продолжающими петровскую эпоху, императрица Анна Иоанновна «щедро поддерживала утверждение современной национальной словесности, основанной на новых поэтико-лингвистических канонах» (Там же. С. 9).

То же самое можно сказать и об императрице Елизавете. Её культурные привычки были не в меньшей степени традиционными, они, естественно, очень многое определяли в культурном облике елизаветинского двора. Однако и здесь старое изнутри проникалось новым; так, страстно любя (как многие великороссы двух предшествующих ей поколений) украинское церковное пение, Елизавета еще цесаревной завела у себя украинскую капеллу. Её обязанности заключались, естественно, в музыкальном сопровождении православного богослужения, которое набожная государыня сердечно любила и прекрасно знала. И вместе с тем, придворные певчие исполняли не только церковные песнопения, но и (совместно с итальянскими певцами) итальянские кантаты и даже оперы-серии (Порфирьева Я.Л. Елизавета Петровна // Три века Санкт-Петербурга. Т. 1.: Осьмнадцатое столетие. Кн. 1. С. 352). Опять-таки – культурное заведение, казалось бы, в духе петровской (а скорее даже – и допетровской,

времени Алексея Михайловича) России наполняется новым содержанием, европеизируется в смысле приближения к современной ему западноевропейской культурной парадигме.

Нечто подобное видим и в писательском типе, существующем в то время, причем, в самом традиционном, обращенном назад его варианте – имею в виду писателей-монахов, таких как, скажем, Симон (Тодорский). Он, действительно, очень напоминает своих предшественников из петровской эпохи, но, все-таки, только лишь напоминает: очень многое в его судьбе несет явный отпечаток нового. Например, после обучения в Киево-Могилянской академии, он целый год учился в Академической гимназии в Петербурге, а лишь потом отправился на чужбину, причем не в католические коллегии, а в новый немецкий университет. Тот научный и культурный багаж, который он оттуда вывез, был вполне адекватен европейской учености середины XVIII столетия, её магистральному сюжету. Вновь – под традиционными одеждами скрывается новое, более близкое Европе.

VI. Данные тенденции обнаруживаются не только в людских судьбах, они заметны и в других регистрах культуры, в частности, в развитии литературных жанров. Выше отмечалась по-прежнему важная роль торжественного красноречия; эта роль в организации литературной культуры на её панегирическом уровне, может быть, была не меньшей (во всяком случае, незначительно меньшей), чем в предшествующие десятилетия. Однако, и сам жанр торжественного слова, и условия функционирования ораторской прозы существенно трансформировались – и снова в направлении большей европеизации, сближения с синхронными ей феноменами западноевропейской словесности.

Во-первых, в церковных панегириках все отчетливее начинают сказываться секуляризационные процессы. Е. М. Матвеев обратил внимание на то, что события непосредственно церковной жизни реже становятся причиной произнесения церковных торжественных слов, чем события государственные, прежде всего, «императорские дни», связанные с возшествием на престол, тезоименитством (Днем Ангела) и т. п. случаями жизни государя (государыни) и ближайших членов семьи. По подсчетам исследователя, не менее 23% панегириков приурочены именно к последним (См.: Матвеев Е.М. Русская ораторская проза середины XVIII века: Панегирик в светской и духовной литературе); его наблюдения охватывают весь XVIII век, но можно (правда, с оговорками и скорее гипотетически) заметить, что в середине столетия данная тенденция набирает силу. Это очень важно – церковное эпидейктическое красноречие остается церковным: слова произносятся священнослужителями, с амвона, в ходе богослужения, стилистической доминантой остается церковнославянский язык, при публикации едва ли не большинство проповедей (во всяком случае – многие) печатаются кириллическим алфавитом в Синодальной типографии и т.д. Но, тем не менее, церковные панегирики всё более перемещаются в светское культурное пространство.

Во-вторых, появляются и светские торжественные слова – впервые в России. Как установлено (Е.М. Матвеевым) первым светским панегириком было сочинение В.К. Третьяковского «Панегирик или Слово похвальное Всемилостивейшей Государыне Императрице Самодержице Всероссийской Анне Иоанновне» (1732); в 1740-ые -1750-ые годы произведений подобного рода было уже несколько: образцовые панегирики создал М.В. Ломоносов (в первую очередь, это «Слово похвальное...Елисавете Петровне», 1749 и «Слово похвальное...Петру Великому», 1755), они принесли ему славу отечественного Цицерона; следует отметить также «Торжественное слово на день коронации...Елизаветы Петровны» Н.Н. Поповского (1756), а также «Слово на день...коронования Екатерины II» А.П. Сумарокова (1760-ые годы), ознаменовавшее собою завершение светской панегирической традиции середины XVIII века (Общую характеристику светского панегирика и анализ его развития в 1730-1760-ые годы дал Е. М. Матвеев в статье «Светский прозаический панегирик в ораторской прозе середины XVIII века». См.: Литературная культура России XVIII века. Вып. 2. СПб., 2008. С. 41–52). Сам факт освоения эпидейктического красноречия ведущими светскими литераторами, в это время и создающими новую российскую словесность

европейского типа, уже свидетельствует о его реорганизации в сторону ораторской традиции Западной Европы. Чрезвычайно важным оказался выход торжественного слова за церковные стены: Тредиаковский или Ломоносов, тем более, Сумароков произносили свои сочинения не с амвона, но во дворце (либо другом профанном пространстве); их панегирики были полностью явлением придворной культуры эпохи абсолютизма – то, о чем мечтал Петр, при его дочери стало явью. Существенно и то, что светские слова могли и не произноситься; они подносились августейшей особе сразу в письменном виде, что сближало их с торжественной одой (Там же. С. 42–43).

В-третьих, меняется культурно-литературный контекст функционирования эпидейктических слов: не церковная служба, но светская литература, прежде всего, формирующаяся торжественная **ода** оказывается теперь ближайшей параллелью торжественному красноречию. При этом роль и значение **оды** в панегирической культуре все более возрастает; ораторская же проза, наоборот, в течение интересующего нас периода постепенно отодвигается из центра литературной жизни на ее периферию. С ораторской прозой происходит то же самое, что с культурой в целом: элементы старого понемногу утрачивают своё значение, причем сами они изнутри модернизируются.

Это и позволяет сказать, заключая общую характеристику культурно-литературной ситуации конца 1730 – середины 1760-ых годов, что в это время произошла уже окончательная европеизация высших уровней русского общества, обнаружился итог петровского её этапа и новый, западноевропейский по происхождению художественный язык бесповоротно утвердился в культурной жизни. Старое, как мы видели, не исчезло, но трансформировалось и отошло с авансены на задний план; центральные силовые линии эпохи проходят иными путями, что демонстрирует литературная культура того времени.

П. Е. Бухаркин

Контрольные вопросы к основному учебному тексту

- а) В чем сходство и в чем различия культурного облика Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны
- б) Как можно охарактеризовать влияние императриц на литературную жизнь 18 века.
- в) Выделите новые черты в придворной культуре середины 18 века.
- г) В чем состоит культурное своеобразие научно-литературной деятельности Симона Тодорского?

Обязательные научные тексты

1. Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени: 1750–1765. М., 1936 (Глава 4. «Полемики в “Ежемесячных сочинениях”»). С. 147–194).
2. Гуковский Г. А. К вопросу о русском классицизме (Состязания и переводы) // Гуковский Г. А. Ранние работы по истории русской литературы XVIII в. М., 1998. С. 251–276. http://imwerden.de/pdf/gukovsky_rannie_raboty_po_18_veku_2001_text.pdf

Дополнительные научные тексты

1. Гринберг М. С., Успенский Б. А. Литературная война Тредиаковского и Сумарокова в 1740-х–начале 1750-х годов. М., 2001 (Чтения по истории и теории культуры. Вып. 29).

2. Матвеев Е. М. Русская ораторская проза середины XVIII века (панегирик в светской и духовной литературе). СПб., 2009 (Глава III. Светский прозаический панегирик середины XVIII века. С. 83–119).

<http://18vek.spb.ru/matveev-panegirik.pdf>

Контрольные вопросы к научным текстам

1. Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени: 1750–1765. М., 1936 (Глава 4. «Полемики в “Ежемесячных сочинениях”»). С. 147–194).

а) Охарактеризуйте основные этапы полемики в журнале «Ежемесячные сочинения» 1753–54 гг.

б) Какую позицию в полемике 1753–54 гг. занимал М. В. Ломоносов?

2. Гуковский Г. А. К вопросу о русском классицизме (Состязания и переводы) // Гуковский Г. А. Ранние работы по истории русской литературы XVIII в. М., 1998. С. 251–276.

а) Какие литературные состязания середины 18 века упоминаются в статье Г. А. Гуковского «К вопросу о русском классицизме (Состязания и переводы)»?

б) В чем состояла специфика литературных переводов в России 18 века?

Источник

Ломоносов М. В. Избранные произведения. Л., 1986.

<http://rvb.ru/18vek/lomonosov/toc.htm>

Упражнения

1. Сравните культурный облик Амвросия Юшкевича и Симона Тодорского (используйте основной учебный текст) с литераторами петровской эпохи (см. материалы занятий 2–3). Сформулируйте сходства и различия.

2. Как соотносятся между собой историческая и литературная периодизация русского общественно-культурного движения середины 18 века?

3. Выпишите из работы П. Н. Беркова упоминаемые полемические тексты середины 18 века. Как он их характеризует?

Библиография

1. Алексеева Н. Ю. Русская ода. СПб., 2005.

2. Анисимов Е. В. 1) Россия в середине XVIII века. Борьба за наследие Петра. М., 1986; 2) Россия без Петра СПб., 1994; 3) Женщины на Российском престоле. СПб., 1997.

3. Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени: 1750–1765. М., 1936.

4. Гринберг М. С., Успенский Б. А. Литературная война Третьяковского и Сумарокова в 1740-х–начале 1750-х годов. М., 2001 (Чтения по истории и теории культуры. Вып. 29).

5. Гуковский Г. А. Ранние работы по истории русской литературы XVIII в. М., 1998.
6. Живов В. М. Язык и культура России 18 века. М., 1996 (Глава 2. «Начало нормализации нового литературного языка: формирование лингвистических теорий и литературная практика»).
7. Кислова Е.И. Грамматическая норма языка проповеди елизаветинского периода (1740-ые годы) / Автореф. дисс. ... канд. филол. н. М., 2007.
8. Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. IV // Ключевский В. О. Сочинения в 9 т Т. 4., М., 1989.
9. Матвеев Е.М. Русская ораторская проза середины XVIII века (Панегирик в светской и духовной литературе). СПб, 2009.
10. Модзалевский Л. Б. М. В. Ломоносов и его литературные отношения в Академии наук. СПб., 2011.
11. Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. Изд. 10. СПб, 1917.
12. Пумпянский Л. В. К истории русского классицизма // Пумпянский Л.В. Классическая традиция. М., 2000. С. 54.
13. Серман И. З. Русский классицизм. Л., 1973.
14. Феррацци М. Комедия дель арте и её исполнители при дворе Анны Иоанновны. М., 2008.
15. Флоровский Г. прот. Пути русского богословия. 3-е изд. Paris, 1983.

Тесты

1. Кем приходились друг другу Анна Иоанновна и Елизавета Петровна?
 - a. родными сестрами
 - b. двоюродными сестрами
 - c. теткой и племянницей
 - d. золовкой и невесткой

2. В переложении псалма 143 участвовали:
 - a. М. В. Ломоносов
 - b. В. К. Тредиаковский
 - c. А. Д. Кантемир
 - d. А. П. Сумароков
 - e. В. И. Майков
 - f. М. М. Херасков

3. Какие из приведенных ниже событий произошли в 1743 году?
 - a. переложение псалма 143
 - b. написание М. В. Ломоносовым «Утреннего размышления о Божием величестве»
 - c. написание М. В. Ломоносовым «Вечернего размышления о Божием величестве при случае великого северного сияния»
 - d. выход в свет «Краткого руководства к красноречию» М. В. Ломоносова
 - e. создание «Бригадира» Д. И. Фонвизина
 - f. смерть А. Д. Кантемира

4. В каком году Елизавета Петровна взошла на российский престол?
 - a. 1727
 - b. 1730
 - c. 1740
 - d. 1741

5. В каких годах издавался журнал «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие»?

- a. 1755–1764 гг.
- b. 1759 г.
- c. 1760–1762 гг.
- d. 1756–1800 гг.

6. Кто из писателей середины 18 века печатался в журнале «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие»?

- a. А. П. Сумароков
- b. И. П. Елагин
- c. М. В. Ломоносов
- d. Д. И. Фонвизин
- e. Н. И. Новиков
- f. Екатерина II
- g. В. К. Третьяковский
- h. А. Д. Кантемир

7. Кому принадлежит первый русский светский прозаический панегирик?

- a. М. В. Ломоносову
- b. А. П. Сумарокову
- c. В. К. Третьяковскому
- d. Н. Н. Поповскому
- e. Симону Тодорскому

8. Какое театральное явление пользовалось значительным успехом при дворе Анны Иоанновны?

- a. трагедия французского классицизма
- b. украинская школьная драматургия
- c. итальянская комедия дель арте
- d. опера-серия

9. С каким европейским университетом связана деятельность Симона Тодорского?

- a. Сорбонна
- b. Марбург
- c. Галле
- d. Краков

10. Какая библейская книга чаще всего использовалась в поэзии 18 века?

- a. книга Иова
- b. книга Бытия
- c. Евангелия
- d. Апокалипсис
- e. Псалтырь